

ТАКИМ МЫ ЕГО ЗНАЕМ

К 75-летию со дня рождения Вагарша Вагаршяна

временный художник. Касалось ли дело сценического искусства, драматургии или чисто литературных задач, — он все решал с позиций актуальных задач времени, задач, общих для всего советского искусства.

Совсем еще молодым, в годы революции и до 1923 года, Вагаршян проводил большую общественно-партийную работу на Северном Кавказе, среди армянского населения. И стаж актера — активного общественного деятеля, отсчитывается у него именно с этих революционных лет. Тадают его рос вместе с революцией. Недаром Вагаршян избрался депутатом Верховного Совета СССР и был депутатом Верховного Совета республики почти до конца жизни.

ЕГО деятельность отнюдь не ограничивалась театром. Был он автором пьес, неоспоримые литературные достоинства которых открыли им путь на сцену, писал киносценарии, выступал с проблемными статьями, умел отдавать должное таланту собратьев по сцене, постоять за собственные принципы, был режиссером и педагогом.

Вагарш Вагаршян жил полнокровной жизнью, отдавая сцене все, что было в его щедрой человеческой природе. На каждое общественное явление он оглянулся по-своему, но прежде всего как со-

еще в 1942 году изобразил активной, волевой личностью.

О его незаурядном интеллекте и широком кругозоре говорили не только украшающие его кабинет бюст Горького, портрет Эйзенштейна или сарьяновские рисунки, но и вся его практическая деятельность, непосредственное участие в общественной жизни страны.

Представляются ли на Ленинскую премию произведения Мартироса Сарьяна, организуется ли в Москве специальная выставка, посвященная 2000-летию армянского театра, — он не только горд за культуру своего народа, но и лично содействует успеху, в одном случае как член Комитета по Ленинским премиям, в другом — как председатель Театрального общества. Проходит ли в Москве II съезд советских писателей, готовятся ли армянский театр к гастрольной поездке в Москву — все это для него события огромной важности. Он не ждал особого приглашения. Если его помощь могла быть полезной, он считал своей прямой обязанностью включиться в это дело со всем энтузиазмом.

Облик Вагаршяна как художника-современника более всего раскрывался в его сценических созданиях и драматургии. Актер или драматург должен знать, что создает, как и ради чего? — любил повторять Вагаршян, и эта тенденция была движущей силой его творчества. Понянно поэтому, насколько правомерно то, что созданная в Армении в конце 20-х годов первая историко-революционная драма «В кольце» принадлежала перу Вагаршяна. Он же в

дальнейшем продолжил у нас традиции психологической драмы, написал «Монастырское ущелье» и «День в Салониках».

В армянской действительности с именем Вагаршяна навеки связана проблема сценического воплощения образа великого вождя — В. И. Ленина. Он первым создал ту благодатную почву, на которой выросла Ленинна армянского театра.

Вагаршян всегда шел в ногу со временем. И, честный в своем стремлении, он создавал образы, овеянные героическим духом. Когда-то Вагаршяну ставили в вину, что Федор Протасов («Живой труп») вырос из обвиняемого в обвинителя, а спор из-за его активного Гамлета не затих и до сих пор. Однако по-другому Вагаршян играть не мог. То было веление его природы. Вместе с тем это было веление эпохи, проявленное через глубокую актерскую индивидуальность Вагаршяна. Его сценические создания всегда привлекали какой-то удивительно приподнятой подачей игры, романтикой, остротой характеристики и четкостью рисунка. Обратного от него нельзя было ждать никогда, даже если это был всегонящегось безмолвный Фирс из спектакля «Внешний сад».

Сцена, по глубокому убеждению Вагаршяна, не любила обыденности, приращенности интонации.

Гражданский пафос одухотворял все его роли, придавал своеобразную праздничность армянскому театру.

Когда вы смотрели его Хлестакова, Полежаева, юного царя Гагика («Страна родил»), старика-горца Аслан-ами («Монастырское ущелье») и тоскующего бунтаря Булычова, — вы ощущали силу и величие Вагаршяна.

Трудно не сказать несколько слов о Булычове. В галерее сценических созданий Вагаршяна этот образ — выдающееся явление, и не только в жизни самого артиста, но и для всего армянского советского театра.

Целое поколение предвоенной молодежи Армении выросло и возмужало на романтизме, героичности горьковских образов.

Согревал и озарял душу этот бунтующий купец, поборник правды, ненавидящий поповщину, лицемеров и откровенно шедший к тем, кто знал радость борьбы, кто мог возмещать о конце старого мира, мира лжи и ханжества.

Рядом с великолепно выделенными образами этого редкого по художественной целостности спектакля — вагаршяновский Булычов выделялся своей могучей затаенной силой, обаянием мужественности.

— Одни — воюют, другие — воюют...

Этой думой начинались душевные метания Егора, его упрямая мысль силилась понять окружающих и восстать против них.

Дух непокорности, безумная жажда жизни отличали многие образы Вагаршяна, и эти качества с исключительной силой раскрылись в Булычове, придав большую углубленность, эмоциональность образу. Сколько духовной мощи было у этого одинокого героя, печального и жизнелюбивого одновременно! Внешний и внутренний рисунок Булычова, созданный Вагаршяном, не уместился в традиционный облик русского купца. В этой характеристике герой приближался к типу более интеллектуальных личностей.

Как определил автор спектакля Г. Захава, «это был иной, чем созданный Щукиным, образ, но тоже в своем роде замечательный, весьма глубокий и современный. Булычов Вагаршяна, если можно так выразиться, самый интеллигентный и самый интеллектуальный из всех тех, кого мне привелось видеть на сцене. У него всегда на первом плане была мысль, он был купцом-мыслителем, купцом-философом».

Отверженный миром и отвергающий этот буржуазный мир, он отрицал и религию, и силу денег, не способных принести ему ни физическое исцеление, ни душевное умиротворение. Булычов Вагаршяна с невероятным усилием рвал узлы, связывающие его с классом собственников, и с трубачом Гаврилой взывал миру его конец.

Он готов был отдать людям свое пылающее сердце, жажду мести,

осиротевшую душу... Эта роль отличалась исключительной человечностью и доходчивостью — черты, присущие вообще искусству Вагаршяна.

Артист и представлял и глубоко переживал полнейшее освобождение своего героя от пут когда-то родной ему среды, от душевных страданий и оков. Сжигая за собой все мосты, надеваясь над всеми, он шел навстречу новой жизни, он, который стоял у порога смерти.

Летом 1941 года, в дни гастрольной поездки театра имени Г. Сундукяна в Москву, «Правда» писала: «...Вагаршян является одним из тех выдающихся мастеров сцены, которые создают театр определенного времени, создают школу, дают свое имя классическим образам драматургии».

Свое имя, да и всю свою кипучую жизнь, полную гражданского пафоса, неиссякаемого темперамента, он, народный артист СССР, целиком отдал родному театру.

Вагарш Богданович умер в возрасте 65 лет. Но до конца ни один из нас так и не почувствовал в нем тяжести пережитых лет, не чувствовал, что он стареет, хотя седины очень давно посеребрили его голову. Эти седины он носил по-вагаршяновски горделиво как символ молодости. Он был полон энергии, творческих планов, замыслов.

Творил он до последнего своего дыхания, до конца оставаясь самим собой, оберегая честь большого художника и гражданина. Таких мы все его знаем.

Левон ХАЛАТЯН.

КОММУНИСТ
Г. ЕРЕВАН

17 9 ОКТ 1969